
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ ВО ФРАНКОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ

И.А. Пугачёв

Кафедра русского языка инженерного факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 117923

В статье рассматриваются вопросы обучения лексике как объекту описания и обучения в преподавании русского языка как иностранного. Определяется роль и место этнокультурного компонента при межкультурной коммуникации, анализируются лексические несоответствия между русским и французским языками, обусловленные различием национальных культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этнокультура, эквивалентная лексика, безэквивалентная лексика, коннотация, коллокация, лексический фон.

Проблема межкультурной коммуникации при изучении русского языка в настоящее время рассматривается как одна из приоритетных, поскольку нельзя обучать иностранному языку без учета особенностей культуры носителей языка, которые выражаются прежде всего в языке, так как язык «выступает хранителем информации о мире, добытой всеми членами определенной этнолингвистической, культурно-языковой общности людей и в силу кумулятивной функции является подлинным зеркалом национальной культуры» [3. С. 16]. Область дидактики и лингвистики, направленная на изучение того, как в языке отражается связь национального сознания с реальной жизнью, получила название лингвострановедения. Лингвострановедение использует достижения науки лингвокультурологии, которая изучает отражение в языке национальных реалий. Поэтому в последние годы в связи с огромным интересом к проблемам этнической культуры особенно интенсивно развиваются такие науки, как лингвокультурология, представляющая соединение языка и культуры, изучающая язык как феномен культуры [8. С. 9], этнология — наука о народах [12. С. 15].

В свое время еще Ф.И. Буслаев обосновал принцип этнонаправленности в обучении языку. Ученый отмечал, что каждый народ смотрит на вещи по-своему, со своей точки зрения и учить надо не просто языку, а языку русского этноса, учитывая особенности быта, верований, культуры, истории народа, ибо результатом пренебрежения этими факторами будет «потеря чувственной, живучей силы языка» [2. С. 115]. Не случайно в современной педагогике, лингвистике, активно развиваются такие отрасли науки, как этнолингвистика и этнопедагогика.

Наш опыт работы с иностранцами показывает, что учащийся, даже хорошо владеющий русским языком, способен делать серьезные ошибки по причине незнания прежде всего национально-культурного компонента изучаемого языка: ему необходимо преодолеть еще барьер культурный. И нередко интерференция родной культуры учащихся осложняет коммуникацию не меньше, чем чисто языковая интерференция, поскольку все явления русского языка и культуры они вос-

принимают через призму родной культуры. Практика межкультурного общения показывает, что культурные ошибки воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые. Поэтому в настоящее время все настойчивее ощущается потребность в создании национально ориентированных учебных материалов по РКИ. Это означает, что при отборе содержания учебного материала нужно учитывать не только культурные традиции, реалии России, но и предвидеть гипотетическую реакцию представителей других этносов на информацию, заключенную в тестах. О том, что чужую языковую картину мира нужно изучать, а не пытаться найти абсолютные иноязычные корреляты для уже действующей в собственном сознании готовой картины мира, очень образно сказал известный филолог и культуролог Г. Гачев: «Если я, придя в другую страну, или знакомясь с новым человеком или идеей, заранее полагаю, что здесь встречу то же самое, что я уже знаю, но с некоторыми нюансами, — я слишком самоуверен... мозг мой ленив и... подсунет мне привычную схему мира... Но если я... парализую привычные схемы, попробую превратить свой ум в Табла раза... тогда больше гарантий, что я постигну здешний образ мыслей» [5. С. 45—46]. Гачеву принадлежит метафора «презумпция непонимания», которой полезно следовать при любом контакте с языковой системой другой этнокультуры.

Национально-культурные особенности, проявляющиеся в языке, могут вскрываться лишь при сравнительном изучении русского и родного языка учащихся. И наиболее ярко они проявляются на лексическом и фразеологическом уровнях, так как номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью, с различием культур. Именно знание лексики, а не грамматики или фонетики в большей степени определяет освоение языка как средства межкультурной коммуникации, накопления информации, сведений о культуре носителей языка [6. С. 3]. А как известно, внеязыковая действительность, т.е. объективный мир, не имеет естественного деления на фрагменты, в природе нет четких границ между частями суток, весной и летом, летом и осенью, осенью и весной, между далеко и близко. Такое членение производится только коллективным языковым сознанием этнокультуры. Слова языка — это фрагменты мозаики, покрывающей всю внеязыковую действительность. Если мы будем считать, что у каждого фрагмента русской действительности существует эквивалент в другой культуре, то это будет источником различных лексико-семантических ошибок, поскольку эти фрагменты могут быть различны как по размеру, так и по рисунку, что обусловлено спецификой жизни данной этнокультуры. Соответственно, и слово (вернее, денотативный компонент его лексического значения), называющее какой-либо фрагмент русской действительности, может существенно отличаться от своего эквивалента в другом языке по объему семантики, лексической сочетаемости, по социокультурным коннотациям, стилистическим ограничениям, а некоторых случаях и вовсе отсутствовать. И здесь нам кажется совершенно правильной мысль С.Г. Тер-Минасовой о том, что «расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык» [11. С. 49].

В любом языке есть слова и словосочетания, которые не имеют однословного перевода, так как их лексические понятия отсутствуют в родных языках иностранцев, поэтому план содержания этих слов нельзя сопоставить с иноязычными лексическими понятиями. Это так называемая безэквивалентная лексика, которая представляет собой крайний случай языковой недостаточности. Эти безэквивалентные языковые единицы обозначают специфические для русского этноса явления, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и рассматриваются как хранилище фоновых знаний о русской культуре, т.е. знаний, имеющихся в сознании носителей русского языка.

Безэквивалентные слова — это и есть слова с национально-культурной семантикой, обозначающие специфические предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом российского народа (*путевка, коммуналка, прописка, социалка, теневик, профилакторий, воскресник, совок, гармошка, дачный участок* и т.д.). К этой лексике следует отнести также и наименования предметов и явлений традиционного быта (*щи, вареники, буханка, батон, калач, булка, плюшка (плюшка — это, конечно, не brioche), рассольник, окрошка, каша, кисель, блины, черный хлеб, холодец, закусочная, ушанка*), историзмы (*обыватель, ликбез, вотчина, терем, мещанин, коробейник, целковый, местничество, кулак, скоморох*), которые продолжают жить (часто в переносном значении слова), лексику фразеологизмов (*тертый калач, развесистая клюква, лыка не вяжет, лезть на рожон, как аршин проглотил, белены объелся, типун тебе на язык,*) и афоризмов (*Мы сами с усами; из молодых, да ранний; на безрыбье и рак рыба*), фольклорную лексику, слова нерусского происхождения (*тайга, базар, халат, кубанка,пельмени*).

Безэквивалентная лексика в национальном русском словаре составляет лишь 6—7% от общего количества активно употребляемых слов [3. С. 51]. Следует заметить, что именно эта лексика является национально маркированной, поскольку она ярко и наглядно отражает специфические явления русской культуры и российской общественной жизни. Все слова с национально-культурной семантикой требуют специального лингвострановедческого комментария.

Определенную трудность при обучении РКИ представляют слова, понятия которых по-разному выражаются в русском и родном языке учащихся. Эти слова имеют частичную или неполную эквивалентность. Некоторые исследователи называют это явление лакунами, пробелами, белыми пятнами на семантической карте мира [10. С. 120]. Как и безэквивалентная лексика, частично эквивалентные слова выявляются только при сопоставлении русского и родного языка учащихся. Часто лакуна обусловлена тем, что языку совершенно неважно различать то, что различает другой язык. Данная реалья присутствует в обеих культурах, но в одной из них она специально не выражена. Например, двум французским словам *le bord* «часть суши, примыкающая к реке, озеру, морю» и *la rive* «правый или левый берег реки» соответствует одно русское слово *берег*; французским словам *un passager* и *un voyageur* — одно русское *пассажир*. И напротив, двум русским словам *голубой* и *синий* соответствует одно французское слово *bleu*, двум русским словам *родитель* и *родственник* соответствует одно французское слово *un parent*.

А трем словам русского языка *салфетка, полотенце, портфель* соответствует одно французское слово *une serviette*.

Часто в разных языках наблюдаются такого рода несовпадения в обозначении частей тела человека, делении суток на временные отрезки, цветовые обозначения. Семантизируя, казалось бы, такие простые слова, как *рука, нога, палец*, мы не должны забывать, что слова *main, pied, doigt* (во французском языке) могут являться ложными коррелятами, так как существуют французские слова *bras, jambe, orteil*, которые лишь в совокупности с приведенными выше словами покрывают семантику русских слов *рука, нога, палец*. Разные способы выражения фактов внеязыковой действительности могут вызывать у русских, изучающих французский язык, ощущение избыточности, а у франкоговорящих учащихся — ощущение недостаточности. Неполная эквивалентность явление достаточно распространенное в разных языках [11. С. 51], однако в практике обучения РКИ фактам избыточности или недостаточности того или иного языкового арсенала не уделяется должного внимания.

Наибольшую трудность при изучении русского языка представляет эквивалентная лексика. Считается, что эквивалентные слова в разных языках, как правило, совпадают по лексическому значению, отражая одни и те же факты внеязыковой действительности. Культурные и социальные представления об этих эквивалентных предметах и явлениях могут быть различны, что обуславливает появление у слов разных социолингвистических коннотаций. Это слова с национально-культурными коннотациями или, как их еще называют, коннотативные (от лат *con* вместе и *noto* обозначаю) реалии. Это самые обычные слова, которые при сопоставлении языков совпадают в своем лексическом значении, но обладают дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Эти дополнительные смысловые оттенки являются результатом национального видения мира и основываются на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре. Например: «одно и то же животное *крыса* имеет существенно разные коннотации в разных языках. Во французском языке *rat* — скупой человек, скряга; в русском языке *крыса* — «ничтожный, приниженный службой человек», «канцелярская крыса» [7. С. 52]. В разных культурах и чисто цветовые обозначения также могут иметь различные ассоциативные связи. Так, французское слово *bleu* употребляется в сочетаниях: *une colère bleue* «сильнейшая ярость»; *une peur bleue* — «отчаянный страх»; *des contes bleus* — «вздор, ложь». Таких негативных коннотаций в русской культуре слово *синий* не имеет.

Ярко выраженными коннотативными значениями в русском языке обладает ономастическая и этнонимическая лексика: слова *Волга, Иван* для русского человека — это совсем не то, что *Волга, Иван* для француза. К сожалению, коннотативная лексика до сих пор изучена мало. Это притом, что обращение к коннотативным реалиям при описании лексического значения обусловлено в первую очередь ее прагматической направленностью: коннотативные компоненты — оценочность, образность, эмоциональность, экспрессивность — выступают в конечном итоге как средство воздействия на адресата, что чрезвычайно актуально при межкультурном общении.

Коллокационное своеобразие переводных эквивалентов. В рассмотренных группах слов национально-культурные компоненты принадлежат значению, однако есть еще группа слов, где смысловые различия эквивалентных слов выявляются при сопоставлении лексических фонов. Лексические фоны большинства слов в разных языках не совпадают. Слова с неполной эквивалентностью фонов называются фоновыми [3. С. 45]. Расхождения в лексическом фоне сказываются в том, что эквивалентные слова различных коллокационных (тематических и синтаксических) связей слов и могут вызывать трудности в межкультурной коммуникации при обучении РКИ.

Каждое слово имеет в разных языках свою лексико-фразеологическую сочетаемость (валентность), которая присуща только данному слову в определенном контексте. Эта специфика якобы эквивалентных слов ярко выявляется при сопоставлении языков. Перевод слова с помощью двуязычного словаря, который приводит соответствующий эквивалент их значений в другом языке, запутывает учащихся, провоцирует их на употребление русских слов в контекстах родного. Вот, например, только небольшой список слов, которые предлагаются для активной коммуникации в первых уроках самых популярных на сегодняшний день в России учебных комплексах: *выступить, заниматься, завтракать, обедать, ужинать, учить, учиться, изучать, спросить, получать, посылать, решать, заниматься, уметь*. Контексты этих слов совершенно не совпадают, их однословный перевод формирует у учащихся неопределенные, а зачастую и искаженные понятия о значении этих глаголов.

Возьмем в качестве иллюстрации из французско-русского словаря распространенные межязыковые эквиваленты, которые имеют различную лексическую сочетаемость в разных языках. Например, слово *une carte* и его интернациональный эквивалент в русском языке *карта*, прилагательные *blanc* и *белый*. Эти слова регулярно воспроизводятся во французских сочетаниях и лишь иногда переводятся на русский язык словарным эквивалентом:

Une carte géographique — географическая карта;
Une carte postale — почтовая открытка;
Une carte d'identité — удостоверение личности;
Une carte d'invitation — приглашение; билет;
Une carte du parti — партийный билет;
Carte blanche — свобода действий;
Un pain blanc — белый хлеб;
Une nuit blanche — бессонная ночь;
Une arme blanche — холодное оружие;
Une tete blanche — седая голова;
Une page blanc — чистая страница.

Также и в русско-французских словарях мы можем наблюдать многочисленные случаи, когда перевод отдельных слов не совпадает с переводами этого слова в словосочетаниях:

выступить — *intervenir*;
выступить на собрании — *intervenir à la réunion*;

выступить на сцене — *se produire*;
выступить с призывом — *lancer un appel*;
выступить с предложением — *émettre une proposition*;
выступить с речью — *prononcer un discours*;
выступить по радио — *parler à la radio*;
выступить в защиту — *prendre le parti*;
выступить с заявлением в печати — *faire une déclaration à la presse*;
основные занятия — *des occupation principales*;
учебные занятия — *des études*;
тактические занятия — *des exercices tactiques*;
часы занятий — *des heures de travail*;
школьные занятия — *des classes*.

Эти примеры показывают, что при изучении русского языка следует учить слова не только и не столько в их эквивалентных словарных значениях, а в наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку.

Различия в сочетаемости «эквивалентных по значению» слов нередко определяется несовпадением их семантических объемов» [6. С. 14]. Так, русское слово *родной* легко переводится на французский язык как *natale*. Однако эти слова совпадают лишь в одном значении: *родная страна* — *un pays natale*. В других значениях эти слова не совпадают: *это его родной сын* — *c'est son propre fils*; *родной дом* — *une maison paternelle*; *родной язык* — *une langue maternelle*. Русское слово *родной* значительно шире по значению, так как оно каждый раз переводится на французский язык по-разному, в зависимости от того, идет ли речь о конкретном родстве (о ближайшем родстве, об отцовском, материнском), о месте рождения человека, о дорогом сердцу человеку.

Двум французским словам *le monde* и *la paix* соответствует одно русское слово *мир*. И напротив, французское слово *un mariage* переводится на русский язык не только как *брак*, но *женитьба* и *замужество*. Слово *un marcher* соответствует словам *рынок* и *базар*, слово *un medecin* — словам *врач* и *доктор*, слово *la lune* — словам *луна* и *месяц*.

Даже заимствованные слова обычно не вполне эквивалентны по объему значений своему прототипу в языке-источнике, так как, во-первых, при заимствовании воспринимаются не все значения слова. Русское *бюро* не имеет таких значений французского слова *bureau*, как «рабочий кабинет, отдел учреждения». Русское *абсурдный* в значении «нелепый» применимо только как характеристика высказывания, мысли ситуации (*абсурдная мысль*), а французское слово *absurde* употребляется и по отношению к человеку (например, *vous etes absurde*). Русскому *аналогичный* соответствует французское *analogue*, однако сочетанию *аналогичный случай* соответствует французское *un cas pareil*.

Различие в сочетаемости французского *auteur* и русского *автор* определяется несовпадением семантического объема этих слов. Французское *un auteur* многозначно — «создатель, творец, виновник, создатель художественного или научного произведения». Последнее значение — единственное у русского *автор*. Французское словосочетание *l'auteur d'Univers* на русский язык может быть переведено как «создатель, творец вселенной», французское *l'auteur d'un crime* — «виновник преступления» [1. С. 116].

Нередко, если слово попадает в новую культурно-языковую среду, его семантика начинает развиваться независимо от языка-источника и в его семантической структуре могут появиться новые значения, отсутствующие в языке-источнике. Так, в слове *котлета* на основе усвоенного при заимствовании значения «кусочек мяса с косточкой» развилось на русской культурной среде значение «лепешка из рубленого мяса», а затем и другие: «капустная котлета», «морковная котлета» и т.д., которых не знает французское слово *cotelette*.

Сопоставление лексических фонов заимствований в разных языках из общего источника показывает, что подобные слова оказываются в той или иной мере «ложными друзьями переводчика», поскольку их семантические структуры частично не совпадают. Например, франц. *conférence*, восходящее, как и русское *конференция*, к латинскому источнику, означает во французском языке не только конференцию, совещание, но и доклад, лекцию. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, каждое второе слово русского языка относится к фоновым словам, например слова и словосочетания *книга*, *книга жалоб* и *общество книголюбов* [3. С. 58]. Однако другие исследователи фоновой лексики считают, что «практически любое знаменательное слово потенциально может выступать в подобного рода сочетаниях, поскольку вокруг каждого слова возникает целое семантическое поле смыслов, на которое оказывает воздействие образ жизни и быта, культуры и психологии» [13. С. 67].

В настоящее время эффективное обучение русскому языку как реальному средству общения невозможно без решения проблем межкультурной коммуникации. Чтобы максимально развивать коммуникативные способности учащихся, создавать на уроке живые и естественные ситуации общения, связать обучение языку с жизнью, следует усилить социокультурный компонент в практике обучения РКИ. В этой связи совершенно очевидной становится актуальность сопоставительного изучения межъязыковых лексических соответствий. Частичная эквивалентность и «обманчивая» эквивалентность лексических соответствий в разных языках создают большие трудности как в практике преподавания РКИ, так и практике межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. — М.: Русский язык, 1988.
- [2] Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка: Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. — М.: Высшая школа, 1977.
- [3] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. — М., 1990.
- [4] Великобритания: Лингвострановедческий словарь. — М., 1978.
- [5] Гачев Г. Национальные образы мира. — М.: Советский писатель, 1988.
- [6] Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. — Спб., 2003.
- [7] Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. — М., 1992.
- [8] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебн. пособие. — М.: Академия, 2001.
- [9] Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. — 2-е изд., испр.— М.: Аспект-Пресс, 2000.

- [10] *Степанов Г.В.* Французская стилистика: — М., 1965.
[11] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.
[12] *Тавадов Г.Т.* Этнология. — М.: Проект, 2004.
[13] *Чумак Л.Н.* Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне // Мир русского слова. — 2000. — № 2.

ETHNIC AND CULTURAL CONTEXT OF STUDYING RUSSIAN LEXICON IN FRENCH-SPEAKING AUDIENCE

I.A. Pugachev

Russian Language Department of the Engineering Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Ordjonikidze str., 3, Moscow, Russia, 117923

The article considers questions of teaching lexicon as an object to be described and studied in teaching Russian as a foreign language. The role and place of an ethnic and cultural component are defined in intercultural communication. In addition, lexical differences between Russian and French languages caused by different national cultures are analyzed.

Key words: Intercultural communications, the ethnic culture, lexical equivalents, connotation, collocation, lexical background.